

«ПОЛЬША» И «ЛИТВА»:
СЕМАНТИКА
ПРОСТРАНСТВ
ВЗГЛЯДОМ ИЗ КИЕВА
(СЕРЕДИНА XIX –
НАЧАЛО XX ВВ.) ◎ *Наталья Яковенко*

Перефразируя Карла Маннгайма, можно вслед за ним назвать «движущимися кулисами истории»¹ те пространственные образы, в которые мы помещаем события прошлого, и тем самым наделяем объективно существующие территории смыслами. Так формируется «ткань» пространства – с ее эмоционально окрашенными, наиболее яркими «узорами» и/или идеологическими нагрузками, которые присваиваются культурно-географическому образу в зависимости от наших собственных убеждений и приоритетов. В данной статье речь пойдет о «ткани» пространственного восприятия польско-литовского государства, сложившейся в украинской академической историографии середины XIX – начала XX вв., в том числе о так называемых «сжатиях» этого пространства до точек, где происходили судьбоносные для украинцев события и где «пространственное поведение» Речи Посполитой данным событиям способствовало либо, наоборот, препятствовало (разумеется, в оценке украинских историков).

Формат статьи вынуждает ограничиться только знаковыми работами – своеобразными вершинами той или иной фазы развития украинской историографии, которые задавали авторам «второго эшелона» конфигурацию осмыслиения прошлого. К таким знаковым текстам, которые способствовали формированию новой «географической идентичности» украинцев, относятся романтическое наследие Николая Костомарова, первое описание прошлого в позитивистском ключе Владимиром Антоновичем и, наконец, академическая «делимитация» украинской истории как национального проекта в творчестве Михаила Грушевского. По понятным причинам здесь не будут затронуты все работы трех «отцов» украинской историографии – речь пойдет только о тех, где наиболее ярко проявились новации, привнесенные каждым из авторов в репертуар культурно-географического образа Украины и ее соседей.

Возникает, однако, вопрос о том, являлся ли этот репертуар продуктом процесса, который Роман Шпорлюк метко определил как «making, unmaking

¹ Мангайм К. Ідеологія та утопія / Пер. В. Швед. Київ, 1995, с. 103.

and remaking» представлений об украинской нации², или он достался украинским историкам в наследство от предыдущей традиции – традиции документальных источников, хроник, литературной продукции и публицистики XVII–XVIII вв., романтических описаний Украина в дневниках путешественников начала XIX в.³, наконец, казацкого фольклора. Не углубляясь в частности этой проблемы как второстепенной для данной статьи, отмечу все же, что основные, структурообразующие параметры пространственного образа исторических соседей Украины, вне сомнения, перекочевали на страницы академических трудов из упомянутых источников. Соединяя «язык источников» с мыслительной конвенцией своего времени и собственным мироощущением, историки попросту «научно санкционировали» бытующие издавна представления.

Выразительным примером тут может послужить отождествление украинской территории с библейским топосом «земли, текущей молоком и медом»: начало ему положила еще хроника Яна Длуготша; в XVI в. образ Украины как пространства сказочных даров природы окончательно закрепился благодаря текстам Мацея Меховского, Мартина Кромера, Яна Красинского и Александра Гваньини; в XVII в. его дополнили Шимон Старовольский и Шимон Окольский⁴, уже не говоря о бесконечных вариациях авторов *minoris gentis* – в панегириках, геральдической и милитарной поэзии и т. д., где затрагивалась «*Ukraina, ona matka żywności, dóbr wszystkich dziedzina*»⁵. Под первом украинских историков XIX в. этот образ послужил вполне естественным подспорьем акценту на особой притягательности Украины для захватнических аппетитов соседей, причем акцент этот с течением времени усиливался. Например, краткая ремарка Николая Костомарова («Русь была окружена чужеземцами, готовыми вмешиваться в ее дела»⁶) не только обрастает эмоциями во введении к первому тому «Истории Украины-Руси» Михаила

² Szporluk R. Russia, Ukraine and the Breakup of the Soviet Union. Stanford, 2000, p. 367–368.

³ Их анализ см. в разделе «Российское открытие Украины» в очерке Алексея Толочко: *Верстюк В. Ф., Горобець В. М., Толочко О. П. Україна і Росія в історичній ретроспективі. Українські проекти в Російській імперії*. Київ, 2004, с. 266–310.

⁴ О литературной и мировоззренческой основе указанного топоса см.: Borek P. Szlakami dawnej Ukrainy. Studia staropolskie. Kraków, 2002, s. 18–45.

⁵ Это строка из стиха Шимона Шимоновича «*Rytm po pogromieniu na teraźniejsze rozruchy*»: *Pisma polityczne z czasów rokoszu Zebrzydowskiego 1606–1608. T. 1: Poezja rokoszowa* / Wyd. J. Ćzubek. Kraków, 1916, s. 316.

⁶ Костомаров Н. И. Черты народной южнорусской истории // Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989, с. 57 (впервые очерк опубликован в журнале «Основа», 1861–1862 гг.). Далее ссылки на труды Костомарова даются по этому переизданию.

Грушевского (1898), но и подкрепляется модным к исходу XIX в. географическим детерминизмом:

«Привольные, роскошные просторы, которые выпали на долю украинского народа в его исторической жизни, эти текущие медом и молоком края, вызывавшие зависть соседей, этот «тихий рай» украинской природы, воспетый поэтами, не принесли счастья. Географические приметы края и заданные ими отношения соседства фатально налегли на всю политическую судьбу украинского народа и тяжело отразились на его культурной и национальной жизни. В богатом святыми, благородными, даже блестящими иногда порывами, однако печальному по своему реальному содержанию историческом наследстве, которое тысячелетие исторической жизни передало современным поколениям, украинская территория во многом виновата»⁷.

Похожим отождествлением «взгляда источника» с «взглядом историка» сопровождалось и моделирование соседних с Украиной пространств – «Литвы» (Великого княжества Литовского) и «Польши» (Польского королевства). Так, привычные для украинских источников XVI–XVII вв. **реплики о «далекости» Литвы** и о ее якобы заселении «лесными людьми»⁸ практически дословно воспроизведены во введении к очерку литовской истории Владимира Антоновича (1878):

«В половине тринадцатого столетия на западной окраине европейской равнины стало слагаться новое государство; из неведомой почти до того времени лесной страны, залегавшей бассейн Немана, выдвигается воинственное молодое племя...»⁹.

Не менее подозрительной кажется перекличка в описании Литвы Михаилом Грушевским, открывающая соответствующий раздел русскоязычного «Очерка истории украинского народа» (1904), с ироническими выпадами в сторону «простоватых литвинов», на которые мы часто наталкиваемся в польских источниках XVII–XVIII вв. – от публицистики и анекдотов до сеймовых диариушей, где «простоватость» жителей Великого княжества якобы про-

⁷ Тут и далес цит. по репринтному переизданию: *Грушевський М.* Історія України-Русі. Т. 1: До початку XI віка. Київ, 1991, с. 15–16 (перевод тут и дальше мой. – Н. Я.).

⁸ Ср. в завещании волынского воеводы князя Богуша Корецкого 1579 г.: «А иж се тутoshная земля, воеводство Волынское, далеко отстrelila от Великого Князьства Литовского...» (Архив Юго-Западной России, издаваемый Временной комиссией для разбора древних актов [далее – Архив ЮЗР], ч. I, т. 1. Киев, 1859, с. 98). Другой пример – из хроники Феодосия Софоновича 1670-х гг.: «Тых же часов литва з язвігами, люде лісні, собравшися силою сполною, выбігли ...»; «...литва ... пошли на рускій княжеснія з своих лесных мешканій. ... остаток в ліси свои звычныи и мешканя поутекали» (Софронович, Феодосій Хроніка з літописців стародавніх / Підг. Ю. А. Мицк, В. М. Кравченко. Київ, 1992, с. 111, 127).

⁹ Антонович В. Б. Очерк истории Великого Княжества Литовского до смерти великого князя Ольгерда // Антонович В. Б. Моя сповідь. Вибрані історичні та публіцистичні твори. Київ, 1995, с. 622 (впервые очерк опубликован в киевских «Университетских известиях», 1877–1878 г.). Далее ссылки на труды Антоновича даются по киевскому переизданию 1995 г.

воцирует комичные ситуации¹⁰. В Украине тоже бытовал стереотип Литвы как пространства «смешного», что видно из луцкой канцелярской пародии 1630 г. Эта якобы перенесенная из ошмянских замковых книг жалоба на наезд начинается словами:

«На вежи над вороты, где стены отколоты», а далее красочно описывает, как «купа людей своевольных» («полтораста раков по-гусарску», «сем пугачов с Пинского повету» и проч.) порубила топорами сеножати, сожгла реки и озера, покосила косами горы и леса, пограбила «онучи, оборы, лапти старые» и т. д.¹¹ В утомленном тексте Грушевского образ «простоватой/смешной» Литвы преобразуется в «сильно запоздавшую и в культурном, и в общественном развитии своем литовскую народность», дополняясь пассажем о «культурной бедности Литвы»¹².

Наконец, вряд ли требует примеров взаимное ожесточение между русинами-украинцами и поляками, которое в течение XVII в. нарастало в источниках от взаимных упреков до градуса «бессмертной ненависти» (*immortale odium*¹³), надолго превратив Польшу в главного «Чужого» украинской истории. Стоит также напомнить, что именно к середине XVII в. оформляется и ментальная маркировка рубежа, разделяющего тех и других – река Висла¹⁴: апелляций к Висле как символическому рубежу в источниках огромное количество (не исключено, что в украинской среде данный топос мог сформироваться как зеркальное отображение символического статуса Вислы в польской письменности того времени). Историки XIX в. нередко апеллируют к «бессмертной ненависти» почти с тем же пылом, что и тексты использованных ими источников, хотя и облекают это в научно нейтральную терминологию. Так, Николай Костомаров пишет о «многовековой борьбе Руси с

¹⁰ Ср. взятые наугад эпизоды в диариушах сеймов 1597, 1627 и 1638 гг. (*Biblioteka Jagiellońska w Krakowie, Oddział rękopisów*, rps 102, k. 954; rps 2274, k. 12: *Dyarjusze sejmowe* г. 1597 / Wyd. E. Barwiński. Kraków, 1907, s. 96 [SRP, t. 20]). Ср. также анекдот о «литвинах» в одном из писем краковского каштеляна князя Ежи Збаражского: ВJ, rps 59, k. 360.

¹¹ Яковенко Н. М. Пародії і жарти в актових книгах Житомира та Луцька першої половини XVII ст. // Український археографічний щорічник. Київ, 1993, вип. 2, с. 170.

¹² Грушевский М. С. Очерк истории украинского народа. 2-е изд. Киев, 1991, с. 94–95.

¹³ Это дефиниция из анонимного памфлета 1650-х гг. „*Dyskurs o teraźniejszej wojnie kozackiej albo chłopskiej*“ (*Pisma polityczne z czasów panowania Jana Kazimierza Wazy*. 1648–1668: *Publicystyka – eksorbitancje – projekty – memoriały*. Т. 1: 1648–1660 / Opr. S. Ochmann-Staniszewska. Wrocław etc., 1989, s. 5–10). Об этом тексте шире: *Szymb F. E. Ukrainian-Polish Relations in the Seventeenth Century: The Role of National Consciousness and National Conflict in the Khmelnytsky Movement // Poland and Ukraine. Past and Present* / Ed. P. J. Potichnyj. Edmonton, 1980, pp. 76–77.

¹⁴ Яковенко Н. Життепростір versus ідентичність руського шляхтича XVII ст. (на прикладі Яна/Йоакима Єрлича) // Україна XVII століття: суспільство, філософія, культура. Збірник на пошану пам'яті Валерії Михайлівні Нічик / Ред. Л. Довга, Н. Яковенко. Київ, 2005, с. 494.

Польшей»¹⁵, Владимир Антонович не сомневается, что это связано с «историческими законами, управляющими судьбой человеческих обществ»¹⁶, а Михаил Грушевский называет «географически-этнографически-политическим антагонизмом» и борьбой, которая решала «быть или не быть шляхетско-католическому владычеству»¹⁷.

Однако во всех упомянутых выше пристрастиях и оценках, кроме «языка источников», слышны новые аккорды в моделировании «своего/чужого» пространства, привнесенные «языком идеологии». Об этом собственно и пойдет речь дальше, начиная с Николая Ивановича Костомарова (1817–1885) – канонического «отца» украинской историографии и ее первого академического (университетского) специалиста. К сожалению, остается неизвестным текст его юношеской работы «О причинах и характере унии в Западной России», которая была представлена весной 1841 г. как магистерская диссертация, однако защиту заблокировали в связи с отрицательным отзывом харьковского архиепископа Иннокентия и Николая Устрялова, а уже напечатанный тираж уничтожили¹⁸. В переработанном виде часть исследования увидела свет лишь намного позже, в 1865 г., в очерке «Южная Русь в конце XVI века». Здесь уже заплачена щедрая дань идее единого восточнославянского пространства (автор называет это «нравственно-духовной связью, соединяющей с Москвою русские области Речи Посполитой»¹⁹) – в противовес польским притязаниям на «Юго-Западный край», то есть инкорпорированную после разделов Речи Посполитой Правобережную Украину (стоит напомнить, что именно в начале 1860-х гг. активизировались прошения польской шляхты об административном присоединении Юго-Западного края к Царству Польскому²⁰).

- 15 *Костомаров Н. И.* Малороссийский гетман Зиновий-Богдан Хмельницкий // *Костомаров Н. И.* Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989, с. 403 (очерк впервые опубликован 1874 г. в «Русской истории в жизнеописаниях ее главнейших деятелей», вып. 4).
- 16 *Антонович В. Б.* Исследование о гайдамачестве, с. 372 (работа впервые опубликована в 1876 г. как предисловие к: Архив ЮЗР, ч. III, т. 3).
- 17 *Грушевський М.* Історія України-Русі: В 11 т., 12 кн. Т. 6: Житє економічне, культурне, національне XIV–XVII віків. Київ, 1995, с. 287; т. 7, с. 2.
- 18 *Костомаров Н. И.* Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989, с. 451, 455–457. О контексте этого инцидента: *Пінчук Ю. А.* Микола Іванович Костомаров, 1817–1885. Київ, 1992, с. 43–46; *Ващенко В. В.* Лекції з історії української історичної науки другої половини XIX–початку ХХ століття (М. І. Костомаров, В. Б. Антонович, М. С. Грушевський). Дніпропетровськ, 1998, с. 44–45.
- 19 *Костомаров Н. И.* Южная Русь в конце XVI века // *Костомаров Н. И.* Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989, с. 116.
- 20 *Бовуа Д.* Шляхтич, кріпак і ревізор. Польська шляхта між царизмом та українськими масами (1831–1863) / Пер. З. Борисюк. Київ, 1996, с. 360–361; *Міллєр А. И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). Санкт-Петербург, 2000, с. 77–78.

Культурное пространство в тексте «Южной Руси» выразительно маркировано идеологическими узорами: автор пишет о «папском всевластии», которое якобы «ни на шаг не оставляло своих привычных стремлений подчинить себе русскую церковь», о «плане иезуитов», заманивающих детей в свои школы «с изумительным искусством», наконец, о пресловутой «безграницной свободе» шляхты, погубившей Речь Посполитую²¹.

Неизвестно, присутствовали ли такие акценты в упомянутой диссертации 1841 г. Ведь Харьковский университет во времена обучения здесь Костомарова отличался «западничеством», а после закрытия Виленской академии именно сюда перебралась часть профессуры и множество студентов: по свидетельству мемуаристов, в 1840-х гг. «поляки» составляли около трети местного студенчества²², а сам Костомаров в автобиографии вспоминал, что общался с ними – в 1838 г. «учился по-польски у одного студента»²³. Мемуары пожилого ученого осторожны, однако вполне вероятным кажется и знакомство Костомарова в харьковские студенческие годы с таким манифестом либерального романтизма, как запись университетских лекций Иоахима Лелевеля «Dzieje Polski»: эта книга, изданная 1829 г. в Вильнюсе огромным по тому времени тиражом (9 тыс. экземпляров), впервые прокламировала роль «народа» и «народного духа» в истории²⁴, на чем позже строилась вся парадигма исследований Костомарова. В пользу этого предположения свидетельствует и то, что несколькими годами позже, в киевский период жизни ученого (1845–1847), фиксируется его несомненный интерес к польской либерально-романтической традиции. В частности, «*Księgi narodu polskiego i pielgrzymstwa polskiego*» Адама Мицкевича послужили образцом для написанного Костомаровым знаменитого манифеста Кирилло-Мефодиевского братства «Книги бытия украинского народа», а во время ареста 28 марта 1847 г. у него была изъята, как формулирует жандармская справка, «рукопись Мицкевича «Дзяды» преступного содержания»²⁵.

²¹ Костомаров Н. И. Южная Русь в конце XVI века // Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989, с. 108, 113–114, 116, 123, 192–193 и др.

²² Порохов С. Наближення університетської реформи: Харківський університет і громадська думка в середині XIX ст. // Схід/Захід. Історико-культурологічний збірник. Університети та нації в Російській імперії / Ред. В. Кравченко. Харків – Київ, 2005, вип. 7, с. 236–238.

²³ Костомаров Н. И. Автобиография // Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989, с. 449.

²⁴ Velychenko St. National History as Cultural Process. A Survey of the Interpretations of Ukraine's Past in Polish, Russian, and Ukrainian Historical Writing from the Earliest Times to 1914. Edmonton, 1992, p. 19–22.

²⁵ Кирило-Мефодіївське товариство, т. 1 / Упор. І. І. Глізь, М. І. Бутич, О. О. Франко. Київ, 1990, с. 307.

Сказанное позволяет предположить, что в магистерской диссертации 1841 г. действительно могли быть, по определению архиепископа Иннокентия, некие размышления «в очень нехорошем, почти не в русском духе, так что скорее их можно выставить в каком-нибудь журнале иностранном»²⁶, и что оттуда в текст «Южной Руси» образца 1865 г. проникли неожиданные пространственные акценты, расходящиеся с официальной версией памяти. Вот характерный «западнический» пассаж в описании украинского пространства:

*«Польша тянула к Западу и стремилась впитать в себя и переработать по-своему образованность романских и немецких народов. Русь тянула за Польшею. Русь почуяла недостаток своей старой жизни: жажда обновления захватила ее – Русь хотела просвещения. [...] Польша вскоре охватила Русь своим влиянием нравственным и умственным. Польша побеждала Русь своей цивилизацией»*²⁷.

В первой (после занятий этнографией и мифологией) сугубо исторической работе, начатой Костомаровым еще до ссылки, а завершенной и опубликованной в 1857 г., – монографии «Богдан Хмельницкий и возвращение Южной Руси к России»²⁸, заметны уже новые мотивы, навеянные «южно-русской» идентичностью. Роль толчка к ее формированию сыграла имперская политика, направленная на нивелирование польского влияния в Юго-Западном крае, – в том числе путем изучения «русских древностей как очевидного доказательства прав империи на владение страною, искони принадлежавшею племени Св. Владимира», а также собирания и публикации источников по истории местных жителей «коренной, чисто русской национальности», в которых бы «выражалась ревность русских к своей православной вере и противодействие польскому правительству»²⁹. Эти усилия, как известно, вызвали парадоксально двойственный эффект: польское влияние действительно ослабело, но параллельно распространилось украинофильство, наиболее ярко выразившее себя в идее существования «южно-русского народа» – отличного и от польского, и от великорусского³⁰. Одним из наиболее ярких ее выра-

²⁶ Из письма архиепископа, цит. по: *Пінчук Ю. А.* Микола Іванович Костомаров, 1817–1885. Київ, 1992, с. 44.

²⁷ Костомаров Н. И. Южная Русь в конце XVI века // Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989, с. 120.

²⁸ Работа была впервые опубликована в «Отечественных записках» 1857 г. (кн. 1–7); в 1859 г. ее издали как двухтомник под сокращенным названием «Богдан Хмельницкий», а в 1876 г. дополненная версия впервые вышла в трех томах.

²⁹ Из документов Киевской археографической комиссии 1840–1844 гг., цит. по: *Журба О. І.* Київська археографічна комісія, 1843–1921. Нарис історії та діяльності. Київ, 1993, с. 132, 144–145.

³⁰ Подробнее см.: *Дорошенко Д. І.* Огляд української історіографії. Київ, 1996, с. 94–105 (переиздание работы 1923 г.); *Velychenko St.* National History as Cultural Process. A Survey

зитетелей справедливо считают Костомарова, автора таких «программных» в перспективе украинофильства статей, как «Две русские народности» (1861), «Правда москвичам о Руси» и «Правда полякам о Руси» (1862), «Мысли южнорусса» (1862) и др.; его анонимную статью «Украина», написанную в 1860 г. для «Колокола», завершает энергичный призыв: «Пусть же ни великороссы, ни поляки не называют своими земли, заселенные нашим народом»³¹.

Впрочем, защитники «Южной Руси» никогда не ставили под сомнение ставший уже нормативным к тому времени тезис Николая Устрялова об историческом единстве восточных славян («русского народа»), «половина» которых была некогда якобы насильственно «отторжена» и страдала «под игом поляков» до возвращения в состав русского государства – «под кров родимый»³². В «Богдане Хмельницком» Костомарова начало событий развивается по этой схеме («южно-русский народ» отважно восстает против «поляков», которые завели в Украине «польские обычай» и совершили «всякие насилия» и «ужаснейшие варварства»). Однако описание перехода казацкой территории под протекторат царя более чем удалено от топоса возвращения «под кров родимый»: решение Богдана Хмельницкого автор связывает с безвыходной военной ситуацией, а согласие Земского собора – с опасениями, что Войско Запорожское примет протекцию султана или крымского хана. Этот нюанс, перекликаясь с «южно-русской» идентичностью Костомарова, явственно очерчивает украинское пространство как обособленную территорию – не польскую, однако и не российскую. Такой культурно-географический образ фактически отрицал официальную политику памяти, воплощенную в надписи на медали в честь первого и второго разделов Речи Посполитой – «Отторженная возвратихъ». Наоборот, пространство Костомарова недвусмысленно совпадает с отдельным и от Польши, и от России украинским пространством «языка источников» XVIII в., возникших в старшинской среде Гетманщины: хроник Григория Грабянки и Самуила Величко, поэмы Семена Дивовича «Разговор Малороссии с Великороссией» (ср. особенно важную для нашего анализа строку: «А разность наша есть в приложенных именах, / Ты Великая, а я Мала,

of the Interpretations of Ukraine's Past in Polish, Russian, and Ukrainian Historical Writing from the Earliest Times to 1914. Edmonton, 1992, pp. 165–172; Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). Санкт-Петербург, 2000, с. 76–85; Plokhy S. Unmaking Imperial Russia. Mykhailo Hrushevsky and the Writing of Ukrainian History. Toronto, 2005, p. 155.

³¹ Цит. по: Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). Санкт-Петербург, 2000, с. 84.

³² Цит. по: Филиошкин А. «Другая Русь» в русской историографии // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir paveldo „dalybos“ / Leidinj. sudarė A. Bumblauskas, Š. Liekis, G. Potašenko. Vilnius, 2008, p. 96.

живем в смежных странах»³³), наконец, анонимной «Истории Русов», которой суждено было лечь в основу романтической канвы украинского прошлого³⁴.

Обратившись к проявлениям «южно-русской» идентичности Костомарова на рефлексивном уровне, можем заметить и здесь следы мироощущения казацких авторов XVIII в. Подобно им ученый воспринимает Правобережную Украину как «чужую землю», «Польшу». Например, описывая свой выезд в 1844 г. из Харькова в Киев, он вспоминает, что его провожала «толпа харьковских знакомых, изъявлявших мне желание найти счастье в ином крае»³⁵. Экзотикой наполнена для него Волынь, куда он поехал учительствовать. Это и дороги «посреди дремучих лесов», и многократно упомянутые «развалины» замков, монастырей, костелов, дворцов, и контакты с «иудеями», и красочные местные «предания», и православные храмы с «сильными следами прежнего католичества» – словом, все то, где ученый «старался отыскать следы давно минувших событий, о которых столько читал, писал и думал»³⁶. События эти, однако, не интернированы в его сознание как «свои». Так, вспоминая о посещении Гощи, где в XVII в. действовала протестантская школа, Костомаров характерно добавляет, что здесь «в числе учеников был и наш Самозванец», а осматривая родовую портретную галерею в Вишневце, пишет о «громадных картинах, ... изображавших сцены из жизни *нашего Самозванца*»³⁷.

Можно также осторожно предположить, что «гетманская» источниковая основа обусловила полное отсутствие интереса ученого к Великому княжеству Литовскому: для него, как и для казацких интеллектуалов XVIII в., «литовской» страницы в прошлом Украины практически не существовало. Например, в тексте «Южной Руси», где к этому, казалось бы, обязывает сама тема, «литовцы» упомянуты всего дважды: в эпизоде после 1382 г. («литовцы и русские заняли Червонную Русь»), и в эпизоде после Кревской унии, когда знать, как пишет автор, перешла «в чужую веру и чужую народность», однако это «произошло более собственно с литовцами»³⁸.

³³ Українська література XVIII ст. / Ред. В. І. Крекотень. Київ, 1983, с. 394.

³⁴ Обширную литературу об украинских текстах XVIII в. как основе «нации до национализма» см.: *Sysyn F. E. The Cossack Chronicles and the Development of Modern Ukrainian Culture and National Identity // Harvard Ukrainian Studies*. 1990, Vol. XIV, no 3–4, pp. 593–607; *Кравченко В. І. Нариси з української історіографії епохи національного відродження* (друга половина XVIII – середина XIX ст.). Харків, 1996; *Когут З. Коріння ідентичності. Студії з ранньомодерної та модерної історії України / Пер. Софія Грачова*. Київ, 2004; *Plokhy S. Ukraine and Russia: Representation of the Past*. Toronto, 2008, pp. 34–65.

³⁵ Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989, с. 462.

³⁶ Там же, с. 463–471.

³⁷ Там же, с. 465, 469.

³⁸ Костомаров Н. И. Южная Русь в конце XVI века // Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989, с. 109–110.

Речь Посполитая, наоборот, дразнила воображение Костомарова не только в ракурсе украинского прошлого, но и сама по себе. В частности, из его мемуаров мы видим, насколько увлеченно и азартно он в течение четырех лет (1866–1869) работал над монографией «Последние годы Речи Посполитой»³⁹ и как болезненно переживал, когда ему присудили за нее не первую, а лишь «малую» премию Академии наук⁴⁰. Н. А. Белозерская, близкая знакомая историка, замечает в своих воспоминаниях, что тема этой книги пришла в голову Костомарова «сама собой»⁴¹, однако мемуары говорят о другом. Описывая свое пребывание в Варшаве в 1865 г. и первые впечатления от обилия источников о событиях последней четверти XVIII в., ученый четко мотивирует направленность будущей монографии, связывая ее не с историей Речи Посполитой, а с актуальной ситуацией. По его словам, среди русской молодежи сложилось превратное отношение «к польским политическим мечтаниям»; в частности (что для Костомарова особенно важно!)

«...находились русские [...], которые по неведению местных вопросов, относящихся к Польше и вообще к Западному краю, [...] готовы были признавать справедливость польских замашек – считать несомненною принадлежностию Польши такие древние русские области, которые играли самую видную роль в русской истории [...] Последнее восстание поляков просветило русский взгляд, сочувствие к польским претензиям уничтожилось после бесцеремонных выходок поляков, но правильного взгляда на своих врагов-соседей русские все-таки не получили»⁴².

Итак, декларированной целью работы было «представить беспристрастную картину старой польской жизни»⁴³, что в переводе с научного языка на язык подсознательных интенций означало, как и в уже упомянутом очерке «Южная Русь» (1865), – дать отпор «польским претензиям» на «южно-русские земли». Остается добавить, что Костомарову это вполне удалось. Уже в введении он убеждает читателя, что «падение Польши» было неотвратимо и что «шляхетские поколения» (намек на «польские выходки» 1863 г.) напрасно пытаются «воскресить» этого «заживо ставшего мертвеца»⁴⁴.

³⁹ Монография впервые опубликована в «Вестнике Европы» (1869–1870); в использованное мной переиздание не вошла, возможно, из-за полонофобских акцентов, хотя в послесловии редактора, В. А. Замлинского, принципы выбора текстов не оговорены.

⁴⁰ Ср. описание эпизода с премией: Костомаров Н. И. Автобиография // Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989, с. 627–628.

⁴¹ Белозерская Н. А. Воспоминания. Николай Иванович Костомаров в 1857–1875 гг. // Русская старина. 1886, № 6, с. 626.

⁴² Костомаров Н. И. Автобиография // Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989, с. 604–605.

⁴³ Там же, с. 605.

⁴⁴ Цит. по: Костомаров Н. И. Собрание сочинений, кн. 7, т. 18. Санкт-Петербург, 1905, с. 674.

Почему же «мертвец» стгнил заживо? Ответ Костомарова, хоть и оснащенный солидным арсеналом источников, вполне предопределен: через «порочное» государственное устройство, шляхетскую анархию, темный («иезуитский») клерикализм, нелепое совмещение крайностей республиканского строя с деспотизмом и униженным положением простонародья («мужика»)⁴⁵.

Пример Костомарова лишний раз убеждает, что «польский вопрос» являлся своего рода пробным камнем для историков Российской империи: вокруг него на общей полонофобской платформе объединялись и либералы, и консерваторы, и славянофилы⁴⁶, и, как видим, адепты «южно-руссизма». Правда, для последних это было наиболее естественно – ведь о «злодеяниях поляков» им сообщали сами источники. Попытаемся же проследить, что из воззрений «отца» украинской историографии было перенесено в позднейшие работы без изменений, что претерпело модификацию, а что вообще пошло вразрез с его умеренной «южно-русской» идентичностью.

* * *

Рассуждая о частичных модификациях, следует в первую очередь остановиться на работах патриарха так называемой «Киевской документальной школы», воспитанника и многолетнего профессора Киевского университета, редактора изданий Киевской археографической комиссии Владимира Бонифатьевича Антоновича (1830–1908). Становление Антоновича как ученого падает на бурную для «польского вопроса» середину 1860-х годов⁴⁷; в 1870 г. он защитил магистерскую диссертацию «Последние времена козачества на правой стороне Днепра по актам с 1679 по 1716 год»⁴⁸, а в 1878 г. докторскую «Очерк истории Великого княжества Литовского до смерти великого князя Ольгерда»⁴⁹. Антоновича в методологическом плане традиционно считают родоначальником позитивизма в украинской историографии, а его идеоло-

⁴⁵ Подробный анализ этих устоявшихся в российской историографии XIX в. стереотипов см.: Кручковский Т. Т. Польская проблематика в русской историографии II пол. XIX века // Наш Радавод. Гродна, 1994, кн. 6, ч. 2, с. 375–407.

⁴⁶ Ср. примеры: Там же, с. 263–272.

⁴⁷ Библиографию его трудов см. в дополнениях к переизданию: Антонович В. Б. Моя сповідь. Вибрані історичні та публіцистичні твори. Київ, 1995, с. 773–791.

⁴⁸ Эта работа впервые опубликована как предисловие к тому источников: Архив ЮЗР, ч. III, т. 2. Киев, 1868; в этом же году вышла отдельным изданием.

⁴⁹ Впервые опубликована в киевских «Университетских известиях» (1877–1878) под названием «Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия»; отдельной книгой вышла в Киеве в 1878 г.

гические приоритеты отождествляют с украинофильством⁵⁰ – движением, которое в последней трети XIX в. вытеснило умеренный «южно-русизм». На генетическую связь того и другого в мироощущении ученого указывает его ранняя публицистическая статья «Моя исповедь» (журнал «Основа», 1862) – манифест разрыва с собственным «польским прошлым»⁵¹, причины которого объяснены следующим образом:

«...я увидел, что поляки-шляхтичи, живущие в Южнорусском крае, имеют перед судом собственной совести только две исходные точки: или полюбить народ, среди которого они живут, проникнуться его интересами, возвратиться к народности, когда-то покинутой их предками, [...] или же, если для этого не хватит нравственной силы, переселиться в землю польскую, заселенную польским народом...»⁵².

«Полюбив народ», Антонович в этой статье почти дословно повторяет многократно провозглашенную Костомаровым оборону Правобережной Украины от польских притязаний, призывая оппонентов-поляков «к признанию южно-русским, а не польским того, что южно-русское, а не польское»⁵³. Азарт борьбы за пространство наполняет практически все произведения ученого, где лишь затрагиваются польские страницы прошлого Украины (позже один из его учеников Михаил Грушевский определит это как «обвинительный акт исторической Польше, с ее всевластным господством шляхетской прослойки и порабощением негосударственных народностей»⁵⁴). Впрочем, восприятие Антоновичем Речи Посполитой как две капли воды похоже на костомаровское: уже в «Моей исповеди» читаем о том, что в течение XVIII в. здесь «общественное состояние идет все к худшему» из-за самоуправства шляхты, сословного эгоизма и религиозного фанатизма («иезуитизма»)⁵⁵. Опираясь на костомаровский тезис о неминуемом падении польско-литовского государства как «заживо сгнившего мертвеца», Антонович в «Очерке состояния Православной Церкви в Юго-Западной России с половины XVII до конца XVIII столетия» (1871)⁵⁶ пафразирует даже метафору предшес-

⁵⁰ Обзор мнений проанализирован в предисловии Василя Ульяновского «Син України (Володимир Антонович: громадянин, учений, людина)» к пересизданию: Антонович В. Б. Моя сповідь. Вибрані історичні та публіцистичні твори. Київ, 1995, с. 28–33, 56–58.

⁵¹ Противоречивые реплики современников о причастности Антоновича, поляка по происхождению, к польскому студенческому движению начала 1860-х, см.: Там же, с. 41–45.

⁵² Антонович В. Б. Моя сповідь. Вибрані історичні та публіцистичні твори. Київ, 1995, с. 88. Там же, с. 89.

⁵⁴ Грушевський М. Володимир Антонович, основні ідеї його творчості і діяльності // Записки Українського наукового товариства в Києві. Київ, 1908, кн. 3, с. 5.

⁵⁵ Антонович В. Б. Моя сповідь. Вибрані історичні та публіцистичні твори. Київ, 1995, с. 80, 81.

⁵⁶ Очерк впервые опубликован как предисловие к тому источникам: Архив ЮЗР, ч. IV, т. 1. Киев, 1871; в этом же году вышел отдельным оттиском.

твенника: в его тексте Речь Посполитая названа «дряхлой шляхетской республикой», чье бессилие «не могло долее укрыться и проявлялось в каждом внутреннем и внешнем столкновении»⁵⁷. Ученый, как и Костомаров, но уже с позиций позитивиста, который свято верит в прогресс, в одной из своих следующих работ (1876) подчеркивает, что строй «золотой шляхетской вольности» был обречен на гибель еще и потому, что стал препятствием на пути «прогресса»:

«...шляхетская среда была слишком неразвита, слишком эгоистична и недальновидна для того, чтобы пойти навстречу стремлениям массы народной и, предвидя ее реакцию, добровольными уступками открыть путь для прогресса в гражданском развитии Речи Посполитой»⁵⁸.

Как видим, набор «антипольских» инвектив в целом сводится к общим местам официальной версии памяти о «республике анархии». Вместе с тем, выделяя в этом каноне место для Украины, Антонович ставит неожиданный акцент, которому нет аналога ни в работах Костомарова, ни в текстах других украинских историков XIX в. Для него украинская проекция явлений и событий выступает как бы производной от польских смыслов. Следствием этого парадокса (можно думать, вопреки намерениям самого автора) становится появление некоего «общего», гибридного пространства, в котором Польша и Украина предстают как территории взаимозависимые и взаимоперетекающие. Это особенно отчетливо в очерке «Исследование о гайдамачестве». Появление гайдамачества, сугубо украинского феномена, Антонович объясняет отсутствием в Речи Посполитой «органов, необходимых для сохранения порядка». Это приводит, по его словам, к «всеобщей анархии», когда «личные страсти являются в виде необузданного произвола» и когда каждый готов «оживиться чужой собственностью, нанести насилия, отправиться на разбой и грабеж». Таким путем, как пишет историк, в гайдамачестве соединились

«две разнородные стороны, сложившиеся в одно явление: народный протест против польско-шляхетского порядка и стремление к удовлетворению личного произвола и наживы; вторая черта была неминуемым последствием [...] отсутствия распорядительной власти в государстве»⁵⁹.

Несложно заметить, что такое объяснение содержит в себе имплицитное оппонирование польским историкам, которые писали о гайдамачестве как

⁵⁷ Антонович В. Б. Моя сповідь. Вибрані історичні та публіцистичні твори. Київ, 1995, с. 523.

⁵⁸ Это цитата из работы «Исследование о гайдамачестве», впервые опубликованной как предисловие к тому источников: Архив ЮЗР, ч. III, т. 3. Киев, 1876. Цит. по: Антонович В. Б. Моя сповідь. Вибрані історичні та публіцистичні твори. Київ, 1995, с. 373.

⁵⁹ Там же, с. 375.

проявлении якобы свойственной «украинскому характеру» дикой стихии. По-видимому, логика начатой еще в 1862 г. полемики (как прямой, так и опосредованной) с польскими историками определила специфическую конфигурацию пространственного мышления Антоновича – человека «двух миров», поляка по рождению, украинца по сознательному выбору, сохранявшего до старости польский акцент⁶⁰ и определяемого проницательными жандармами как загадочная личность – не поляк, не украинец и не русский⁶¹. Подобно тому, как в нем самом совместились Польша с Украиной, так и в его работах эти два пространства стали частью единого – совмещеннего – образа.

В творчестве Антоновича, в отличие от Костомарова, нашлось место и для Великого княжества Литовского, однако интеллектуальным толчком к этому послужила не столько история Великого княжества сама по себе, сколько весьма специфический ракурс интереса к ней. Первым беглым экскурсом в литуанистику стало написанное в 1869 г. предисловие к тому «Акты о городах» в «Архиве Юго-Западной России»⁶². Антонович развивает здесь высказанную годом раньше, в монографии авторитетного киевского историка права Михаила Владимиирского-Буданова⁶³, славянофильскую идею чужеродности и вредности для украинских городов магдебургского права, которое якобы разрушило прежнюю «органическую связь» города с «землей», подорвало «вечной уклад», свойственный киевскому и «литовскому» периодам истории, и подтолкнуло к разрыву «сословий». Ко времени появления в 1877–1878 гг. первой сугубо литуанистической работы Антоновича (уже упоминавшийся «Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV века») в российской историографии уже сложилась достаточно стойкая традиция изображать средневековое ВКЛ как государство скорее русское, чем литовское, а его ослабление объяснять сближением с Польшей – государством «чужим» и этнически, и культурно⁶⁴. Антонович не нарушает канона. По его

⁶⁰ По свидетельству студентов Антоновича, он говорил «с неправильным польским акцентом», «делал ошибки в русском языке, затруднялся в выражениях»: Щербина И. М. Воспоминания о В. Антоновиче // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. Киев, 1909, кн. 21, вып. 1–2, с. 53; Довнар-Запольский М. В. Исторические взгляды В. Антоновича // Там же, с. 24.

⁶¹ Такую характеристику дал Антоновичу киевский жандармский полковник Новицкий в 1892 г.: Кордуба М. Зв'язки Антоновича з галичанами // Украина. Київ, 1928. № 5, с. 77.

⁶² Антонович В. Б. Исследование о городах Юго-Западной России по актам 1432–1798 гг. // Архив ЮЗР, ч. V, т. 1. Киев, 1869, с. 1–91.

⁶³ Владимирский-Буданов М. Ф. Немецкое право в Польше и Литве // Журнал Министерства народного просвещения, ч. CXXXIX–CXL. Санкт-Петербург, 1868.

⁶⁴ Обзор, библиографию и анализ «политического заказа» в этой концепции см.: Карев Д. В. Белорусская историография в эпоху капитализма (1861–1917 гг.) // Наш Радавод. Гродна,

словам, государство, «которое продолжало называться Великим княжеством Литовским, на самом деле стало с конца XIV столетия во всех отношениях Великим княжеством Западно-Русским»⁶⁵, а подробный анализ его формирования предваряет следующий манифест о причинах упадка:

*«Внутреннее бессилие поражает этот, по-видимому, могучий политический организм; едва он успел сложиться, он ищет уже посторонней точки опоры, подчиняется влиянию соседнего государства, гораздо более слабого материально и совершенно ему чуждого по культуре; под давлением его, медленно, почти без борьбы, Литовское княжество замирает, укладываясь в бытовые и общественные формы, выработанные на совершенно чуждых ему началах...»*⁶⁶.

Формальным толчком к написанию этой работы, весьма далекой от основных интересов Антоновича, историка раннего Нового времени, а не Средневековья, стал, по-видимому, читанный им в университете курс «История Литовской Руси»⁶⁷. Однако в 1882 г. ученый еще раз возвращается к «литовской» теме – и снова в связи с городской историей: речь идет об очерке «Киев, его судьба и значение с XIV по XVI столетие (1362–1569)»⁶⁸. Вводная его часть посвящена полемике с Николаем Погодиным о «мнимом запустении» Киевской земли после монголо-татарского завоевания, далее следует пространный обзор истории ВКЛ с уже знакомыми акцентами на «русскости» этого государства, чей «естественный ход развития» и «нормальный рост» был прерван союзом с Польшей⁶⁹. Однако изюминкой работы является не ВКЛ, а возможность его инструментального использования – в качестве примера еще «не испорченной» польским влиянием гармонии «сословий», которые мирно уживаются благодаря общинному («вечевому») принципу. Это идеическое сообщество (его прототип видится Антоновичу и в Киевской Руси, и в «допольской» Литве) описано так:

«...сословия не отделяются резко друг от друга, сливаются и смешиваются между собой во всех пунктах; [...] старые вечевые предания о равноправности всех жителей земли продолжают господствовать среди всех слоев населения и довольно свободно укладываются в литовский

1991, кн. 3, ч. 1, с. 49–115; Василенко В. Політична історія Великого князівства Литовського (до 1569 р.) в східнослов'янських історіографіях XIX–першої третини ХХ ст. Дніпропетровськ, 2006, с. 7–12; Филипкін А. «Другая Русь» в русской историографии // *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir paveldo „dalybos“* / Leidinį sudarė A. Bumblauskas, Š. Liekis, G. Potašenko. Vilnius, 2008, с. 96–104.

⁶⁵ Антонович В. Б. Моя сповідь. Вибрані історичні та публіцистичні твори. Київ, 1995, с. 743.

⁶⁶ Там же, с. 623.

⁶⁷ Издан как конспект лекций 1877 г. в Киеве под этим же названием.

⁶⁸ Очерк впервые опубликован в журнале «Киевская старина» (1882).

⁶⁹ Антонович В. Б. Моя сповідь. Вибрані історичні та публіцистичні твори. Київ, 1995, с. 539–556 (цит. с. 540–541).

распорядок, который открывает самый широкий простор для личных дарований и личных заслуг»⁷⁰.

Перед нами – весьма занятная попытка представить «Литву» (по контрасту с «Польшей») как пространство «золотого века», где торжествуют общинные идеалы и вечевое равноправие, т. е. включить украинские земли ВКЛ в славянофильский дискурс. Славянофильский сентимент Антоновича более ярко представлен на примерах казачества (в его концепции – выразителя украинского «народного начала», тяготеющего к равноправию и «вечевому устройству»)⁷¹, однако использование ученым «литовского» эпизода симптоматично: ведь это позволяло впервые в украинской историографии подчеркнуть непрерывность украинского исторического бытия от Киевской Руси до XVII–XVIII вв.

* * *

На специфике моделирования польско-украинского пространства в 10-томной, доведенной до 1658 г. «Истории Украины-Руси» Михаила Сергеевича Грушевского (1866–1934) остановлюсь кратко. Этот историк не нуждается в специальном представлении, и на сегодня работ о нем, как кажется, едва ли не больше, чем он успел написать сам⁷². Монументальный труд, который уже при жизни ученого лег в основу украинского гранднarrатива, в целом выстроен по канонам романтического национализма. К его основоположным принципам, как известно, принадлежит то, что с определенным упрощением можно свести к формуле «одна культура – одна нация – одно государство». По меткому определению Эрнеста Геллнера, одно из наиболее знаковых понятий романтического национализма – «возрождение/пробуждение» наций – предвидело, по сути, «выявление,нейтрализацию и изгнание чужих, которые пытаются разрушить и лишить основания эту [данной нации] культуру»⁷³. Этим, собственно, и определялась парадоксальная цель национальных нарративов – способствовать формированию однородной, внутренне мобильной культурно-политической общности (модерной нации), создавая для нее «территорию с историей». Грушевский совершил это, соединив в своем тексте описание разрозненных к концу XIX в. фрагментов

⁷⁰ Там же, с. 568.

⁷¹ О славянофильстве применительно к Антоновичу см.: Гермайзе О. В. Б. Антонович в украинській історіографії // Україна. Київ, 1928. № 5, с. 28–29.

⁷² Наиболее полную библиографию работ о Грушевском см.: Plokhy S. Unmaking Imperial Russia. Mykhailo Hrushevsky and the Writing of Ukrainian History. Toronto, 2005, pp. 546–588.

⁷³ Геллер Е. Нації та націоналізм. Націоналізм / Пер. Г. Касьянов. Київ, 2003, с. 204.

украинского пространства: по выражению Сергея Плохия, он наделил «отдельные части украинского прошлого общим смыслом – и территориальным, и этнокультурным»⁷⁴.

Не удивительно поэтому, что пространственное моделирование в «Истории Украины-Руси» раз за разом претерпевает операцию, которую можно квалифицировать как «сжатие» пространства. Во «Вступительных заметках» к 1-му тому (1898) автор местом действия определяет всю этническую территорию Украины. Но фактически на авансцену, словно герой в пьесе, выступают поочередно только те точки, где происходят определенные «судьбоносные» в перспективе национальной истории события⁷⁵. Здесь же, во «Вступительных заметках», Грушевский определяет, кому из соседей историческая судьба предназначила быть «врагом № 1» украинского пространства. Ответ не поражает неожиданностью. По словам ученого, польская «чужая управа» поставила украинский народ «перед опасностью национальной смерти, полной экономической руины и порабощения»⁷⁶. Здесь стоит добавить, что, по наблюдениям исследователей, яростная антипольскость Грушевского имела довольно сложную природу: это и влияние украинских источников XVII–XVIII вв., и предыдущая историография, и славянофильский сентимент (а поляков, как известно, славянофилы считали «изменниками» славянства), и православные семейные устои, и злободневность украинско-польского противостояния во Львове, где была написана значительная часть «Истории Украины-Руси»⁷⁷, и реанимация в польской неоромантической историографии перелома XIX–XX вв. идеи возрождения Польши в «исторических границах» 1772 г.⁷⁸, которой энергично оппонировали украинские ученые.

Схематически очерченные во «Вступительных заметках» рамки пространства Речи Посполитой наполняются – том за томом – конкретным содержанием, попутно варьируясь и обрастаю антипольскими акцентами и деталями. Если свести эти инвективы к какому-то общему знаменателю, то можно сказать, что «исторический счет», предъявляемый полякам за украинские неудачи, включает все без исключения аспекты прошлого: политические, экономические, социальные, культурные, религиозные (по определению са-

⁷⁴ Plokhy S. Ukraine and Russia: Representation of the Past. Toronto, 2008, p. 81.

⁷⁵ Ср. перемещение акцентов в периодизационной схеме историка, рассмотренное Плохием в разделе «The Story of a Nation» его книги: Plokhy S. Unmaking Imperial Russia. Mykhailo Hrushevsky and the Writing of Ukrainian History. Toronto, 2005, pp. 176–193.

⁷⁶ Грушевський М. Історія України-Руси. Т. 1: До початку ХІ віка. Київ, 1991, с. 19.

⁷⁷ Об этом в числе прочего см.: Plokhy S. Unmaking Imperial Russia. Mykhailo Hrushevsky and the Writing of Ukrainian History. Toronto, 2005, pp. 182–192.

⁷⁸ Maternicki J. Kontrowersje wokół idei jagiellońskiej w historiografii polskiej przełomu XIX i XX wieku // Przegląd Humanistyczny. 1992, rocznik 36. Nr 4.

мого Грушевского, это антагонизм «национальный, а лучше сказать географически-этнографически-политический»⁷⁹). В его тексте «Польша» описана с употреблением военной лексики: «польский лагерь», «военный лагерь воинствующего католицизма», зона, из которой совершается «Drang nach Osten» в Украину⁸⁰ через неких «культуртрегеров», которые приносят польское право и навязывают его «с наивной арганцией человека, созидающего свою принадлежность к «высшей расе»»⁸¹. Хотя на самом деле, как не без удовольствия подчеркивает автор, Польша – это «задворки Западной Европы без всякой тени самостоятельности», «край бедный и малокультурный»⁸², «государство бедное, исключительно сельское, без торговли и промыслов»⁸³.

Следует добавить еще одну характерную деталь: текст «Истории Украины-Руси» в целом тяжеловесен, однако антипольские пассажи выпадают из позитивистской стилистики. Они на удивление пластичны, что свидетельствует об эмоциональной, личностной подкладке именно такого видения. В частности, обращает на себя внимание то, что пространственные образы часто визуализируются буквально – через употребление метафор «разлома», «пропасти», «непереходимой бездны», «фатальной границы», «расщепления». Такая деталь свидетельствует о присутствии в сознании (а, следовательно, и в концепции) Грушевского элементов неоромантического видения истории, о чем мне уже приходилось писать, анализируя то, как моделируются в его текстах персонажи «любимые» и «нелюбимые»⁸⁴. Отвергая неоромантизм как «ненаучный» способ описания прошлого, ученый, однако, не избежал его чар и, в частности, экспрессивной лексики, особенно густой при описании зарождения «наилюбимейшего из героев» – казачества⁸⁵. Это, впрочем, неудивительно. Как уже замечено исследователями, модернистские веяния способствовали окончательному вытеснению из украинского интеллектуального горизонта «общерусской» идеи⁸⁶, войну с которой начало открытие «Южной Руси», а закончила решительная «делимитация» украинского исторического пространства Грушевским.

⁷⁹ Грушевський М. Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн. Т. 6: Жите економічне, культурне, національне XIV–XVII віків. Київ, 1995, с. 287.

⁸⁰ Там же, с. 279.

⁸¹ Там же, т. 5, с. 26.

⁸² Там же, т. 6, с. 412, 417.

⁸³ Там же, т. 5, с. 334.

⁸⁴ Яковенко Н. Особа як діяч історичного процесу в історіографії Михайла Грушевського // Михайло Грушевський і українська історична наука. Мат-ли наукових конференцій, присвячених Михайліві Грушевському / Ред. Я. Грицак, Я. Дашкевич. Львів, 1999, с. 86–97.

⁸⁵ Ср.: Грушевський М. Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн. Т. 7: Козацькі часи – до року 1625. Київ, 1995, с. 4, 50, 51 и др.

⁸⁶ См. среди прочего: *Innyzkyj O.* Modeling Culture in the Empire: Ukrainian Modernism and the Death of the All-Russia Idea // Culture, Nation, and Identity: The Ukrainian-Russian Encounter (1600–1945) / Eds. A. Kappeler et al. Edmonton, 2003, p. 315.

Михаил Грушевский, таким образом, довел до логического завершения дело своих предшественников. В «перекличку поколений» органично вписывается и тот разительный – по сравнению с Польшей – контраст, с каким представлено в «Истории Украины-Руси» Великое княжество Литовское⁸⁷. Автор практически дословно воспроизводит тезисы своего учителя Антоновича, определяя ВКЛ как государство «русское больше, чем литовское»; его формирование он сравнивает с собиранием «некогда рассыпанных частей Киевского государства его вождями X–XII вв.», а расцвет связывает с тем, что «литовское верховенство не имело, или очень мало имело характер этнографически-чужой»⁸⁸. Само собой, стубил успешное княжество союз с Польшей: после Кревской унии оно уже «переходит в стадию агонии», а после Люблинской – «фактически становится простой провинцией Польши»⁸⁹. Отдельным «полем битвы» с Польшей выступает судьба украинских городов. Как и у Антоновича, ВКЛ служит удобным фоном для подчеркивания «чужеродности» польских практик. Распространение – по польскому образцу – магдебургского права разорвало, по мнению Грушевского, еще сохранявшуюся в литовский период «органичную связь, которая связывала в древней Руси город с землей» и, вытеснив вечевой уклад, превратило город, некогда «центр политической жизни земли», в «жалкую пародию самоуправления». Завершается этот обзор энергичным резюме: падение роли городов стало «одним из наиболее характерных даров «культурной миссии» Польши на Руси»⁹⁰.

* * *

В заключение остается добавить, что в позднейших работах украинских историков (до сегодняшнего дня включительно!) можно найти отзвуки практических всех оттенков культурно-географического образа польско-литовского государства, о которых шла речь. Однако они переплетаются столь причудливо, и в разное время обусловлены таким сложным смешиванием «языка источников», «языка отцов историографии» и «языка идеологии», что это требовало бы особого анализа. Единственное же, что их объединяет, – это то, что семантику пространств «Польши» и «Литвы» менее всего заботит реальность. В перспективе украинской «географической идентичности» соседние территории воспринимаются всего лишь как декорация – «движущиеся кулисы истории», которые помогают понять и описать себя.

⁸⁷ Это отмечено и Плохицем: *Plokhyy S. Unmaking Imperial Russia. Mykhailo Hrushevsky and the Writing of Ukrainian History*. Toronto, 2005, pp. 186–187.

⁸⁸ Грушевський М. Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн. Т. 3: До року 1340. Київ, 1993, с. 137; т. 4, с. 95–96.

⁸⁹ Там же, т. 4, с. 184, 422.

⁹⁰ Там же, т. 5, с. 17, 223, 233, 261.